

В О Й Н А (181).

Война! Весь край ропсаль на Валленрода,
 И ушущишь онъ месщи ужъ не могъ:
 Полнь правой злобы духъ народа,
 Измѣной черной, вновь Вишольдъ поджегъ.

Злодѣй, онъ умолялъ Тевшона
 Тронъ Виленскій опнишь у Ягеллона,
 Но лишь на пиршествѣ узналъ,
 Чшо на Липву идушь Прусаки,
 Съ дружиною, какъ хищный волкъ, бѣжалъ,
 Презрѣвъ ихъ помощь, вѣрной дружбы знаки.

И по пущи, въ Тевшона замки вшедъ
 Съ Магистерскимъ подложнымъ повелѣньемъ,
 Онъ усынивъ ихъ стражей обольщенемъ,
 Порѣзалъ; выжегъ, кровью облилъ слѣдъ.
 Горя спыдомъ весь Орденъ гнѣвомъ дышетъ;
 И спрашный огнь Крестовой брани пышетъ.
 На Рима гласъ, водой, сухимъ пушемъ,
 Несмѣнный сонмъ Германцевъ, Бришповъ, Галловъ
 Течетъ, гордась пурпуровымъ крестомъ.
 И рашъ, Князья съ дружинами вассаловъ —

V

Война (15)

Война! — узрѣ пропавшійся бойшии Конрадъ
 Не сможенъ Совѣту и воли наредити:
 Давно въ чуждѣхъ краяхъ о мизери кричатъ
 За дерзость Симбда, за измѣну Вилхельма.

Умолотъ, гдѣ возвратитъ столицу свою,
 Притѣвливши въ Орденъ проситъ вспоможенія,
 Узнавъ посылъ тура иль одижди рюкей,
 Что выступитъ скоро въ походъ ополченъ
 Крестовикъ, повсемъ дружбѣмъ измѣнникъ,
 И тайно съ дружиной чести постыжени.

Узъ Мевтонскіе камни оу, путь совершая,
 Съ погрозившимъ приказомъ Магистра вернется,
 И силой оружія тѣмъ отбивая,
 Все окрестъ огнемъ и мечемъ истребится.
 И Орденъ, стѣдломъ востанавивши и мольбой,
 Походъ на извѣстѣе позываетъ Крестовикъ.
 Явилася Буйна; текутъ отъ всѣхъ мѣстъ
 Нескромныя войсства оушесъ, морящихъ,
 Мачуки князи, вассаловъ съ полками:
 Тервелавскій хранитъ одеждѣ ихъ крестъ; —

И каждаго обрешая на то, что въ Крещенно
Кебырмыва привестъ, мы предадо потребенны.

Почини на Сибирь — и то зря сдѣлали гали.
Хотимъ съ узнаемъ — на окопы войдуть,
Въ ерпей порою на Сибирь посмотрите:
Малы зарево, крови подобно ружьямъ,
Варюбитъ лазурнаго неба сводъ дальній...
Дня таковы наступательныя браней!
Легко охеркнутъ ихъ: убійство, жаръ бой
И тлания — забавы для перилъ снѣжной,
Но въ копей мудрецы познаютъ въ сокрушеніи
Гласъ скорби, въ творцу вопиющій о мизери.

Всѣ дайте Батры позаране несли,
Все дайте войско въ Сибирь проликали;
Вотъ Ковно, вотъ Вильно, Бѣлыя селы, обоего,
Натопилъ имъ пословъ, имъ извѣстій не стало.
И тланили окрестъ зуре не видать,
И зарево стало съ небесъ изхедать.
Вотъ же Крусакъ и въ страны покоренныя
Шушу тланившихъ и многой добычи военной;
Вотъ же слатъ шизовъ на вѣрели сѣпшатъ:
Могутъ гошцы — не вернутъ наградъ.

Зуре надотило въ догадкахъ терянствъ,
И ради Бѣлы въ каждаго хотъ соръ дождатъ.

Всѣ поклялись — всю кровь свою пролишь,
Чтобъ окрестить Липву, иль испребишь.

И двинулись. Какоежъ знамя славы!
Желаешь знашь? — Взгляни къ Липвѣ со спянь:
И узришь тамъ, гдѣ вечерѣетъ день,

На сводъ зарева кровавы,
Разлиныя багровою полосой.

Впорженій бранныхъ образъ вѣрный
Легко пишашъ: грабежъ, пожаръ, разбой
И пышный блескъ — веселье низкою черни;
Но съ шепетомъ въ немъ мудрый узнаешь,
Что къ небесамъ о мщеньи вопиешь.

Все свирѣпый пожаръ подъ вѣтры пышетъ;
Все далъ рашъ заходитъ въ глубь Липвы;
Въ осадъ Ковно, Вильна — Нѣмецъ слышетъ —
Вотъ нѣтъ ни вѣсти, ни молвы.

Попухъ огонь на синевѣ окрестной;
Все далъ рѣшетъ сводъ небесной.

Вотще Прусакъ съ Липовскихъ городовъ
Горь золотыхъ и пѣнныхъ ожидаетъ,
И каждый день за вѣстью шлеть гонцевъ:
Гонецъ лепишь — и пропадаешь.

И мрачныхъ думъ шерзаньемъ испытной,
Онъ вѣсти бы радъ хощъ самой роковой.

Мягчель и бури завываютьъ,
Бушующъ вкругъ, дороги засыпаютьъ.

И вновь вдали зажглася полоса. —

Заря ль ночей, иль огонь войны суровой? —

Виднѣй, виднѣй блескъ зарева багровой,

И ближе все пылають небеса.

Къ пуши глядишь народъ Маріи града,

И зришь вдали средь вьюги и снѣговъ

Горснѣ пушниковъ. — „Ужели рапъ Конрада?...

Героевъ ли вспрѣчаешь, иль бѣглецовъ?...

Гдѣ сонмовъ шмы?...“ Конрадъ вознесъ десницу

И указалъ на жалкую стащицу:

Несстройна, смущъ полна, она бѣжишь въ снѣгахъ.

Однѣ тѣснясь, падушъ, тонущъ въ буграхъ,

И прупы ихъ валяхся гряда къ груди,

Какъ оводы презрѣнные въ сосудъ;

Тѣ пащущся по прупамъ, но толпы

Другія въ глубъ сугробовъ прущъ, вбиваютьъ,

И вкупѣ въ топяхъ снѣжныхъ издыхаютьъ;

Тѣ мерзлыя влекутъ еще стопы;

Тѣ на бѣгу внезапно леденѣли;

Тѣ, руки вверхъ поднявъ, окоченѣли,

И кажутъ въ градъ дорогу, какъ стопы.

Вспревоженный, спремись сонмъ народа;

Не вопрошалъ — безгласенъ пренешалъ:

Вот осень ликует, бушует в горах
Зима, и шатает засыпает дороги,—
И жарко снова горит в небесах
Воочи... не пограть ли то драмной труппой?
День ~~сего~~ это-дня таять растёт и растёт,
И жарко брызжет и бешет и жёт... ..

Их Мариябурга гонят на дорогу
И видят: прохожие таят по чужому
Предут по сползанию: не съведут ли в Конраде?
Подбегу им бегство или возвращение?
Есть ли прочее войско?— Конраде поднимается
Десница и кофетю остатки полкова;
Ах! тайно и самый наш вид измещает:
Волнут, утопают в пучину ^{ах} слезов,
Взвизгивают и топчут друг друга, подобно
В сосуде запертому масколивших кедовивших;
Но трупам ступающих пока не придут
Другие—и снова их вихрь не стонкинут.
Мы двуручь еще оплывшие ноги,
Мы врыть, набагу, упадут брызг дороги,
Конт с дванью поднятого трупы стоят,
Подобно ступающим, укажу на град... ..

Их Града народы выбывает сущезный;
Сбиты спрашав, они спросят нехотным.

Она вѣсн приключенная мой брата ^{ни} погорюхой
Во охотѣ и на смѣхъ приключенцевъ прохочу.
Смерть различная во охотѣ и на смѣхъ прохочу,
И **Тарна** плача **млада** **млада** изосама. —
Взрѣвъ труды **Литовской** **погощи** **звучатъ**;
Мамы **Вихри** **клубами** **слетѣ** **вотчѣ** **взвѣваютъ**;
По охотѣ **полюбили** **тѣмъ** **завѣваютъ**,
и **врановъ** **стага** **мадъ** **младами** **кричатъ**. —

Свершилось — и вѣсн **погоща** **похитилъ**;
Она, **кошму** **младами** **войны** **такъ** **смерти**,
Она, **мудрости** **млада** **смерти** **вотчѣ** **вотчѣ**,
Литовскій **и** **роднѣ** **во** **похитилъ** **войны**,
Витовта **не** **млада** **похитилъ** **ухищренъ**,
И **жаздой** **смерти** **облачили** **младами**,
Она **сѣ** **войсконы** **во** **Литовскій** **стѣны** **замени**,
И **Витовта** **осаду** **такъ** **младами** **вѣсн**. —

Когда же у **Колышевъ** **добыли** **младами**,
Витовта **похитилъ**, **врутъ** **похитилъ** **младами**,
А **вранъ** **младами** **похитилъ** **младами**,
И **младами** **похитилъ** **младами** **младами**, —
Тѣмъ **денъ**, **смерти** **Колышевъ** **смерти** **младами** **вотчѣ**,
Ужъ **младами** **похитилъ** **младами** **младами** **младами**,
И **младами** **похитилъ** **младами** **младами** **младами**, —
Опохотѣ, **добыли** **младами** **младами** **младами**, —

Всѣ спрашныя событія похода

На блѣдныхъ сихъ тѣняхъ чиналь :

На очи ихъ нависъ плешворный демонъ хлада ,

И изсосала кровь изъ лицъ ихъ фурия глада ;

Здѣсь слышенъ зыкъ языческихъ роговъ ;

Тамъ выюга мчипъ клубы снѣговъ ;

Тутъ спай псовъ голодныхъ мрачно воюющъ ,

И враны , каркая , кружашся , небо кроющъ .

Погибло все ! — Кшожь погубилъ ? — Конрадъ !

Топъ Випись - диво , чей будашъ

Увѣчанъ лаврами , чей умъ пожалуй оливы !

Въ походѣ семъ , и робкій и лѣнивый ,

Вишольдомъ въ сѣни завлеченъ ,

И жаждой мески ослѣпленъ ,

Въ пущыни рашъ завелъ , и нерадивый ,

Подъ Вильной сполько медлил онъ !

Когда запасъ , добычи истощились ,

Скрежеща гладъ спанъ Нѣмца охвашиль ,

И недругъ все вкругъ зорко спорожилъ ,

Пресѣкъ пуши , подвозы прекрапились :

Вошъ ужъ Тевшонъ по сошнямъ на день мрешъ .

Ему бъ скорѣй спасашся въ ошсупленьи ,

Иль присшупомъ кончашъ походъ ;

Но ни чего не хочешъ Валленродъ

И слышащъ: онъ въ безпечности, въ надмѣннѣ,
Охопился; презрѣлъ совѣщъ вождей.

Иль замысль накой глубокой

Таишь онъ въ думѣ одинокой!

Весь бранный жаръ оспылъ въ немъ, и ни чьей,
И войскъ мольбой не пронупъ онъ жестокой:
Все дышетъ боемъ, рвется до мечей;

А онъ, скрестя на перси руки,

Все думаешь, съ Альбаномъ, иль одинъ.

Съ зимой и мразомъ взвыли вьюги,

И съ свѣжей рашю Липвинъ

Внезапной налещъ грозою.

Какой позоръ для Ордена и спыдъ!

Въ пылъ боя — съ боя Вождь бѣжишь!

Не въ лаврахъ онъ, не съ плѣнниковъ полною,
Влачишь онъ срамъ и вѣсь: разбишь Липвою.

Кто зрѣлъ, какъ онъ съ побоища того

Съ толпой тѣней — спрашилищъ возвращался?

Угрюмосищъ, скорбь гнѣнушъ чело его,

И на лицѣ червь грусти извивался.

Такъ! спраждещъ и Магисиръ! Но въ очи ны взгляни:

Какъ, польошверста, гордая зѣница

Вкосъ мещетъ взоръ, и блещетъ какъ зарница,

Горя звѣздой зловѣщею войны,

На любви изранен, иль, среди сражений
И наивисшей тайны, во памяти сну,
И во душе возрдеи собирает не жотуя.

И зрора до того владения во челя бранней,
Что даря народа мольбам не выслушал,
Емодь оня для его отлучился охраня;
Он, руки сложи на груди, размыслил,
Делю зрели, или совмизался с Самоданом:
Вина смерду милая макотидла елика;
Витомодя с сирзими войскою, постигши собраним,
Треним кастю ратя и лагеря врага....
Како на Оружен надеят попомение!
Магистр — первый после оставил сраженья,
И вилито трюсресе, добывших войной,
Он влечет о побрдах еливи нисея с собой....

Мы зрели, как носил таковыя похорждений
Долгой оня вернуше с полком привидений,
Мерайя на его омирательных кертанах,
Сервз зрели, примитно, вачури его то^итня;
Емрадаея Конрадо, — но влечим ели в ои;
Во доловимых попомверзавих Магистра мажия,
Народо враг еливи укрядкой вилетает;
Махов еливи Кометия, гразячей войной,

Всегда переменивый; таковы бисекъ почини,
Которыиъ продолжало двавель превращаетъ;
Сбытность и бисекъ какъ-бы Горющество
Горюство огнииъ адежиъ въ вѣрнѣ его. —

Сиринъ, пономъ въ жарюго: Компаду ищѣ почин.
Во вѣрнѣ повелѣиъ оиъ собратъ въ вѣрнѣ;
Взвѣдѣиъ еиъ, проиоивѣиъ, знаеъ сиринъ — оиъ
Влисиагоъ — и вѣрнѣ еиъ вѣрнѣ, не сториъ;
Во вѣрнѣ еиъ еиъ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
И въ вѣрнѣ: кого въ вѣрнѣ — вѣрнѣ.

*

*

*

Стои, горювъ вѣрнѣ. еиъ сиринъ надѣ вѣрнѣ.
Во вѣрнѣ еиъ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
Маниъ сиринъ, знаеъ, какъ вѣрнѣ вѣрнѣ,
Сиринъ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ. —

Влисиагоъ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
В вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
В вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
И вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
В вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
В вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
В вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ;
В вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ вѣрнѣ. —

Мѣняясь, какъ облакъ полуночи,
 Чѣмъ спранныка духъ тѣмъ прельщаетъ очи;
 И радости, съ свирѣлостью слишай,
 Зажженъ, топъ блескъ, какъ будто Сапаною.

Вкругъ смушы, бунтъ. Конрадъ ихъ презираешь.
 Безумцевъ, прусовъ на Совѣхъ сзываетъ.
 Взглянулъ, воззвалъ, извился... и — о, срамъ!

Всѣ, съ жадной вѣрой — внимають лжи словамъ!
 Такъ Богъ казнишь людей боязнью-слѣпою.

И кто не дрогнешъ подъ грозою!

Стой, гордый Деспотъ! еси и гордымъ судъ!

Подземный ходъ меситъ Марьенбурга кроешь:

Лишь ночи мглы весь городъ погребушь,

Въ немъ Трибуналъ кровавый судъ опкроешь (17).

На сводъ лампы свѣтъ мерцаетъ — ночь и день.

Тамъ книга шайная на проиѣ,

Двѣнадцать кресель вкругъ; и тѣнь

По чернымъ панцырямъ играетъ при уклонѣ:

То судиѣ, всѣ въ маскахъ: мрачна сѣнь

Ошь черни кроешь ихъ, а маска и кольчуга

Таятъ ихъ другъ ошь друга.

Одна душа, одно спремленье въ нихъ :

Всѣ поклялись карашь владыкъ своихъ

За горькіе соблазны, преспуленья.

И въ силу грознаго рѣшенья,

И кровнымъ нѣпгъ пощады никакой :

Казнишь виновнаго, насильемъ, иль измѣной,

Обязанъ всякъ — не медля, непремѣнно.

Спояшъ съ кинжалами. Мечъ дрогнуль подъ рукой.

И вопъ, одинъ, съ мечемъ и въ маскѣ, спавъ у шрона

Предъ книгою Закона,

Рекъ : „Грозны суди!

Всѣ подозрѣнія, и ваши и мои,

Ужъ ясны : человекъ, слывущій межъ народомъ

Конрадомъ Валленродомъ —

Не Валленродъ.

Лѣтъ за двѣнадцать онъ предъ симъ, у Рейна водъ

Явился; но ошколь? кшо онъ? какого рода? —

Таимо мглою. — Въ Крестовой походъ

Онъ былъ пажемъ у Графа Валленрода:

Вдругъ въ Палеспинѣ Графъ пропалъ.

И онъ убійца-панъ, спрашимъ молвой народа,

Бѣжалъ.

Назвался Валленродомъ лживо,

Достигъ Гишпаньи береговъ,

И въ бишвахъ съ Маврами вождей безспрашныхъ диво,

И все похитишь въ одумановою рвену,
Напасть своимъ многимиъ Владахъ преслушавъ,
Соблазновъ, иль тайно похитишь твоею.
Когда прозвучитъ приговоръ ревовой
И браму полною не будетъ пощады;
Связанъ измѣной иль еяго кандалъ
Свершитъ приговоръ мѣдь виновной главой:
Кинувъ у нѣхъ въ дѣланъ и мѣрь мѣдь полой.

Вотъ маска одна у престола явилась,
И мѣрь передъ нѣмного права поднимая;

«Молчѣе Суда!» — рече —

Еще подозрѣние Суда подтвердилось;
Мотъ муръ, что Копиadosъ себя Кашеиродомъ доверъ,
Ке есть Кашеиродъ.

Невозможно, кто онъ; двѣмъ адъютантъ годовъ тѣмъ нѣмъ,
Какъ онъ въ зрѣлиый край, неизвѣстно отъ куда пришелъ;
Въ то время какъ Графъ Кашеиродъ въ Кашеиродъ пошелъ,
Онъ въ свѣтъ его наложилъ, былъ въ Матрешкиномъ Емѣ.
Мѣрь Кашеиродъ вскоре бѣгъ-Емѣи зрѣ-то пропалъ;
Мотъ Матрѣ похитишь виновникова Графской конницы;

Оставивъ края Матрешкины,
Онъ тайно къ Уполномоченъ Браганъ добрался.
Матрѣ ея Матрѣи въ сѣняхъ зрѣвшихъ онъ съ муръ-Емѣи бѣлся,

Онъ, гордый лаврами вѣнковъ,
 Пошомъ всступилъ въ обипель,
 И, къ нашей гибели, нащъ нынѣ онъ Правитель. —
 Какъ править — знаете: послѣдней сей зимы,
 Какъ съ голодомъ, холодомъ, Лишвой боролись мы,
 Конрадъ-эхидный змѣй, въ глуши дубровной, дикой
 Велъ козни съ Виленскимъ владыкой.

Лазушчики мои давно слѣдящъ за нимъ.
 У башни сумрачной сей вечеръ спорожили:
 Не поняли рѣчей жены пустынной съ нимъ;
 Но, судьи! рѣчи тѣ Лишовскихъ звуковъ были.

Соображаясь съ тѣмъ,
 Что намъ о человѣкѣ сему
 Отъ тайныхъ всѣхъ судовъ донесено согласно,
 Что донесли сейчасъ лазушчики мои

И что почти въ народъ гласно,
 О грозны суди!

Магистра я виню: лжеимени въ подмѣнъ,
 Въ убійствѣ, ереси, измѣнѣ.

Предъ книгою шущъ обвинитель палъ;
 И истину, склонясь на крестъ рукою —
 Распяиємъ и Троицею Святою
 Княнися — спрашно подшверждалъ.

Умолк. Маринается сущь порокой;
Мр. Беримович сущь доносъ надблаготъ:
Милъ онъ, милъ наклоненъ порою,
Какъ-то промучо миль въ выражонъ. —
И кидовъ къ престолу подлогитъ пономъ,
И въ Орденъ кнута шестъ остреймъ,
Кирюша Беримовъ, но Гусову кидаетъ,
О мильнъ миль совѣтъ одиу въ промаетъ.
Размѣсиль, деснигу на груду поможиль,
И — поре! сохмисо Совѣтъ возомиль.
И охъ прихрѣтъ въ орденъ повторяетъ
Промѣрнѣ: поре! — въ томъ сѣвъ одиомъ
Бавъ приговоръ цѣмъ; въ погнѣвъ все соми.
Двамазатъ мѣсъ, от грозивнѣ бискомъ въ возоръ,
И все противъ груду Коирага одиомъ. . . .
Мр. мочраинъ бави, — а въ замъ нуемъ
Вновь охъ замъ отгряди: поре!

Прощание.

Развѣстъ Зимній вѣтеръ со свѣтлымъ шумомъ;
 Кондра въ поспѣшнѣе савровъ вѣтра и снѣга
 И къ озеру тѣсно. тѣсно, сѣвѣи у берега,
 Выбѣгаетъ, мѣстѣхъ въ стѣнѣ баини ступаетъ.
 „Авдодна, кривилъ оны, мѣхъ зивѣи, Авдодна!
 Твой мѣхъ берилъ, обѣтъ совершилъ,
 Погибѣи оны, всё, кто надо, свершилъ.“

Мусибилъ.

Авдоръ? да, его голосъ? мой Авдоръ, это оны!
 Но какъ? урѣ миръ? мѣхъ зивѣи? урѣ миръ
 Опятъ не погилъ ты?

Кондра.

О, ради Бога,
 Не спрашивай Боже, другъ мой, Вселенн,
 И мѣхъ выхъ въ поспѣшнѣе зивѣи мѣхъ рѣи.
 Оны урѣ погилъ; мѣхъ зивѣи вѣи
 Погилъ? то Авдодна край Нимеи тѣи,
 Въ это мѣхъ зивѣи рѣи свои не зачеръ.

VI.

ПРОЩАНИЕ.

Разсвѣтъ мящелю бурной шмылся;
 Но Валленродъ средь вьюгъ и вихрей мчился:
 И лишь достигъ онъ озера береговъ,
 Воишь, бѣя мечемъ о стѣны башни:
 Разсѣй мечшы, Альдона! мрачныхъ сновъ.
 Твой другъ пришелъ, свершилъ обѣщъ свой спранный.
 Такъ! я свершилъ: я испребилъ враговъ.

ПУСТЫННИЦА.

Ты ль это, Альфъ! — То рѣчь его живая! . . .
 О милый! прибылъ? Какъ? Ужь миръ! и пы здоровъ?
 Ужь не пойдешь? . . .

КОНРАДЪ.

О! ради неба, рая,
 Не вопрошай! . . . внимай лишь — дорогая!
 Внимай, и жадно каждый звукъ лови!
 — Врагъ испребленъ! Пожаръ кровавой
 Ты видишь? видишь — грозну рашъ Липвы?...
 Какъ въ сердце я попалъ змѣи споглавой!

Не исцѣлишь Тевтонамъ ранъ своихъ :
 Я распочилъ все злощю — силу ихъ ,
 Сжегъ города , и пролилъ крови море.
 Вошъ подвигъ мой : я свой обѣщъ свершилъ .

Самъ адъ спрашнѣй бы не опмешилъ .
 Но полно ужъ : и я же смертный ! въ горѣ ,
 Въ коварствѣ , лжи и въ кровопійствѣ вѣкъ
 Убивъ , шеперь , въ бой неспособный , хилый ,
 Томлюсь . . . крамолы мнѣ постылы ! —
 Нѣтъ ! полно мешишь . . . и Рыцарь чловѣкъ...
 Я былъ въ Липвѣ , и благосщю судьбины ,
 Я шѣ мѣспа , я видѣлъ замокъ швой .
 У Ковна онъ разрушенный , пущынный . . .
 И грусны взоры опврапъ , спрѣлой
 Лечу я въ доль . У нашей шой долины
 Холмы и роци — все жило , цвѣло
 Тѣмъ вечеромъ , какъ я , гонимъ судьбою ,
 Проспишься съ ней , унылый брель съ побойю .
 Мнѣ думалось : шо было — лишь вчера —
 И я взрыдалъ , весь шрепеша , горя !
 И , помнишь , другъ , шы камень шопъ высокій ,
 Гдѣ мы съ побой гуляли одиноки ,
 Онъ шамъ ! . . . по немъ сѣдой ковыль и мохъ ,
 И вкругъ полыню горькой онъ заглохъ —
 Я ихъ порвалъ , омылъ его слезами ;
 И мураву , гдѣ въ нѣгѣ , Ангелъ мой !

Я во шнуре серице врага поразил;
Источники мих силы — Казна истребилась,
И грады свергли, и кровь истощилась...
Я всё это сжёгши, обжёг совершил;
Угрозилый мести не выдумать иду...
Я смертный, Могоча: мит больше не надо.
Во безестном обманом, во кровавом бою
Провел свою младость; — во прекрасном миге
Мих сжечь измучил, и жар сжёг во груди,
Сжечь миге довольно, и миге в миге.
Бог, святи мит открови; я во миге побывал,
Всё шнуре твоем, и твой замок выдал;
Твой Ковенский замок — развалина миги;
Я враг отворотил, и Богом побужден
Во развалинах твоих... на нашей прекрасной долине;
Как встарь земли, и миги твои миги;
Но презрелу всё, как во миге вехи когда
На вехи миги простился с долиною миги.
Ах! миги, что это вехи твоего замка!
Мит камень... твои миги миги миги;
Видишь миги миги во миге миги;
Стоит и до миги, миги миги его миги;
Едва я его от скалы под миги.
Миги обдорвал, оросил я миги
Сей камень. И скалы миги миги, миги
Миги во миги миги миги миги.

Разникъ, въ поемъ бракъ для медя и воды,
Ие таинъ отворилъ, ибывъ и таинъ владу.
И даре твой садикъ стонитъ, какъ и бивъ,
Зна, знаеиъ, суха и вербъ садикъ.
то вербъ суха, Аладона, — вонъ нудъ! —
Которыи сама и въ песокъ бивъ сухой,
Мейеръ неужнаиъ: деревняиъ стонитъ,
И вейиъ ииетъ на нидъ трепетаниъ,
И вейиъ уютноковъ нумонъ молодой ....
Мнѣ видъ такоиъ, какъ бы касиъ вьизъ,
Не-знаиной опилагой вьизъ сердце разриъ;
И таиъ на поитиъ, и вербъ уютъ,
О Боже, вьизъ, когда бъ то бивъ!
Когда бъ ~~мнѣ~~ ^{мнѣ}, вьизъ вьизъ ииной оуизъ,
На нидъ Аладону, оуизъ вьизъ;
Когда бъ и на нидъ дорогу въ сѣи дриъ
Надерида оуизъ надрида уютъ!

Вернеиъ сѣи, молодой! и здѣсь вьизъ ууизъ
Вьизъ отворитъ; но къ нидъ сѣи прикажъ.
Котъ бъ нидъ вьизъ вьизъ вьизъ вьизъ
И стонъ сѣи, — и нидъ вьизъ, молодой.
Моя поведу, нидъ на нидъ,
Медя и о нидъ, и нидъ дриъ,
Ииъ дриъ нидъ нидъ, въ нидъ сѣи нидъ,

Подъ сѣнью яворовъ ты опдыхала въ зной;

И звонкій ключъ съ игривыми струями —

Все видѣлъ я, все обошелъ,

И даже садикъ я нашелъ,

Твой вербный садикъ при долинь. —

О диво! вербы тѣ, въ сухой

Песокъ, о милая! тогда вѣшныя мной,

Тѣ вербы, полны жизни нынѣ,

Въ дни Майскіе роскошно вѣютъ вкругъ,

Въ молодой краѣ, и развѣваютъ пухъ. —

И видомъ симъ плѣненъ, и упоенный

Предчувствуемъ сладоснымъ, чарующимъ — о другъ!

Цѣлуя вербы тѣ, коленнопреклоненный

Я возгласилъ: О Всеблагій! вонми:

Да узримъ вновь опчизны поле

И нивы дѣда вспашемъ мы,

Да оживемъ, да вновь и въ нашей долѣ

Надежда расцвѣшетъ на родинѣ, на волѣ. . .

Рѣшился же! бѣжимъ! — Я повелю

Дверь выломашъ; но что? къ чему вѣлѣнья?

Спокрашъ будь спали шверже заключенья,

Я и тогда пробью ихъ, проломлю. . .

Помчу себя въ обѣщанья — къ долинь. . .

Иль въ глубь Липвы, безцѣнный другъ! уйдемъ:

Въ лѣсахъ дремучихъ, въ дебрисной пущинѣ

Не слышны грозный збруи вражьей громъ,

— Ни буйный Нѣмца кликъ кичливый,

Ни тяжкій спонь родной Липвы. —

Тамъ въ хижинѣ, тобой счастливымъ,

Въ объятяхъ мира и любви,

Забуду свѣтъ, награды свѣта —

Былая прелесть сердце упоить! . . .

Бѣжимъ! промолвь! позволъ! . . . Она молчишь,

И онъ безмолвенъ, ждешь отвѣта.

— Кровавый лучъ сафиръ багришь. . .

— Альдона! другъ! увь! зря ужъ блещешь,

И близокъ онъ, зловѣщій часъ:

Пойдешь народъ, и спража схватишь насъ!

О милая! . . . сшения вопишь, пренецешь.

Гласъ замеръ; Альфъ очами умолялъ,

И руки къ ней, ломая, проспиралъ. —

Нѣтъ жалоси — и ринясь на колѣны,

Объявъ, лобзалъ онъ холодной башни стѣны.

И опзовисъ пуспынница сшениа:

Нѣтъ! милый, нѣтъ! Богъ подавалъ мнѣ силы;

Онъ и опъ сей грозы спасетъ меня.

На семь порогъ поклялася я:

Не кину башни до могилы —

О! какъ тяжка, безцѣнный мой,

Была борьба съ собой самой!

Принимает мукой въ Бомбовую истребительницу,
Куда не достигнуть противившаяся грань,
Есть гордой подвиги не сбитая плать,
Ни войск подоспелыхъ, асфальтовыхъ собратий...
Мамы въ широкую, татуированную кушетку вселивъ,
Въ объятьяхъ твоихъ, у отрадного сна,
Забуду о мигу, о твоей воле,
О мигу сна, — будетъ жить для себя,
Много, возвратится... — женщина Алягона,
Умная, Маминская — и отъвета друзей она,
Взвучитъ проблески гарн обаяния неодолима.
"Алягона! о Боже, уже утро... когда же?..."
Пробуждается сна, удеривитъ насъ стража...
Алягона! воинъ, въ немертвовой дробинахъ,
Но масса не стала, молнией, она очамъ,
И руки ломаю, и въ кр. небу вздымаю,
Въ точку на кончикъ уха, со слезами,
Она и лагуны стволы собравъ, обнимаетъ....

— Сынъ порока Алягона съ волевыми грусти
Скакала, но твердо, — лишь силой достъ Богъ,
Она и мигу поспелый ударъ не допуститъ.
Я и мигу дана, преступивъ сей порогъ,
Не вступитъ и въ башни до самой молнии.
Борьба съ собою; теперь — и ты, и мигу,

И тебе сиему двизрешь противу творца!
Вернута хочеш въ миръ, и погоди. Змерзвеза.
Могущай тебе: ерши я соглашуся,
Ихъ берущи, — оставлю пещеру мою,
Со восторгомъ въ объятья твои устремлюсь,
А тебе неужелие супругу свою,
И брора отбратишь, и вѣнчанъ снузденъ:
Супружескому это — уршии Азвона?
И будешь икати ты въ погодишии оади
И въ шукъ, который... Ахъ, думати уршии...
Мотъ: "моузи мерзвецъ, возбудившии стрелъ,
Да не пошлорачетъ Азвона прекрасной!"

"Самая я — признаюся, мой малый, прости —
Всегда, какъ дѣвче мило радѣешии ты,
Умѣла твоей помощи, да снѣгу снѣживалъ,
Медъ видѣти дѣлалъ, о другъ: спасаю...
Мав, моузи обитъ, нѣтъ уршии снѣгъ не такъ,
Какъ въ прѣдѣе годы, когда мѣсяцъ мѣсяцъ
ты божию мамию къ намъ въ замѣтъ свѣтъ.
Но мотъ же ты въ сердцѣ своемъ сохраниши:
Мотъ ои, и постигнѣ, и шукъ молодой,
Мавъ мотъ мѣсяцъ, въ елѣтъ утѣшвѣи:
Ма бѣда ораетъ въ нѣтъ цѣтъ, какъ дѣвче.
О вѣнчанъ: ораетъ тахилии нѣтъ мѣсяцъ,

Ты жь хочешь вновь вооружаешь, о милый!

Прошивъ небесъ спрасями и мольбой,

И весишь на свѣтъ — сей образъ пощей пѣни...

Чпожь если вдругъ я изъ гробовой сѣни,

Безумная, распротана побой,

Паду въ пвои объащя, въ восхищеньи;

Ты жь не познавъ — суровъ, безмолвень, дикъ —

Взоръ опшрашишь и скажешь мнѣ въ смущеньи:

Мершвецъ сей? Какъ! ужель Альдоны ликъ?...

И взглянешь ты — на ликъ мой истощенный,

На очи. . . . ахъ! и мысль одна разить!

Нѣтъ, нѣтъ! да ввѣкъ, ввѣкъ прелестей Альдоны —

Пустынницы видъ спрашний не мрачить.

Знай: я сама — проспи, мой несравненный! —

Лишь грустный, лунный оживишься свѣтъ,

Я слыша друга, кроюся за стѣны,

Боясь вглядѣться — въ ликъ безцѣнный!...

Бышь можешь, ты не по ужь — нѣтъ!

Не по, чѣмъ былъ ты, помнишь, прежде,

Какъ прибылъ къ намъ прекрасенъ, нѣженъ, младъ!

Но грудь моя хранишь пѣжь кудри, спанъ, нарядъ

И очи, полны чаръ плѣнительной надежды.

Такъ мошылекъ, шоня въ яншаръ злашой,

Ввѣкъ сохраняешь милый образъ свой.

И лучше, Альфъ, оспашься намъ такими,

Какъ въ дни былые, и какими
Вновь свидимся; но не въ спранѣ земной.

Освавъ счастливымъ цвѣшъ долинь душистый;

Мнѣ миль приноша камень дикій, мшистый.

Вся радость сердца — зрѣшь себя живымъ,

По вечерамъ внимаешь рѣчамъ пivoимъ.

Забудь же, Альфъ мой! кровь, пожаръ, измѣны.

И чпо бы чаще, раньше приходишь? . . .

И въ сей живой могилѣ, мой безцѣнный,

Всѣ можно бы спраданья уладить!

— Чпо, милый Альфъ, когдабъ у сей равнины,

Какъ памъ въ Липвѣ, намъ рощицу завесить;

Въ нее цвѣпы и камень той долины

И даже вербы милыя пѣ снесетъ;

И пусть порой малюшки селъ окрестныхъ

Играють здѣсь въ сѣни родныхъ деревъ,

Плещуть вѣнки съ цвѣшовъ Липвы прелестныхъ

И впооряшъ мнѣ родной Липвы напѣвъ.

Пѣснь родины мечпы мнѣ возлелѣетъ.

Сны о Липвѣ, о миломъ мнѣ навѣетъ.

Когда жъ усну сномъ непробуднымъ я,

Ихъ пѣснь тебѣ напомнишь, Альфъ! меня.

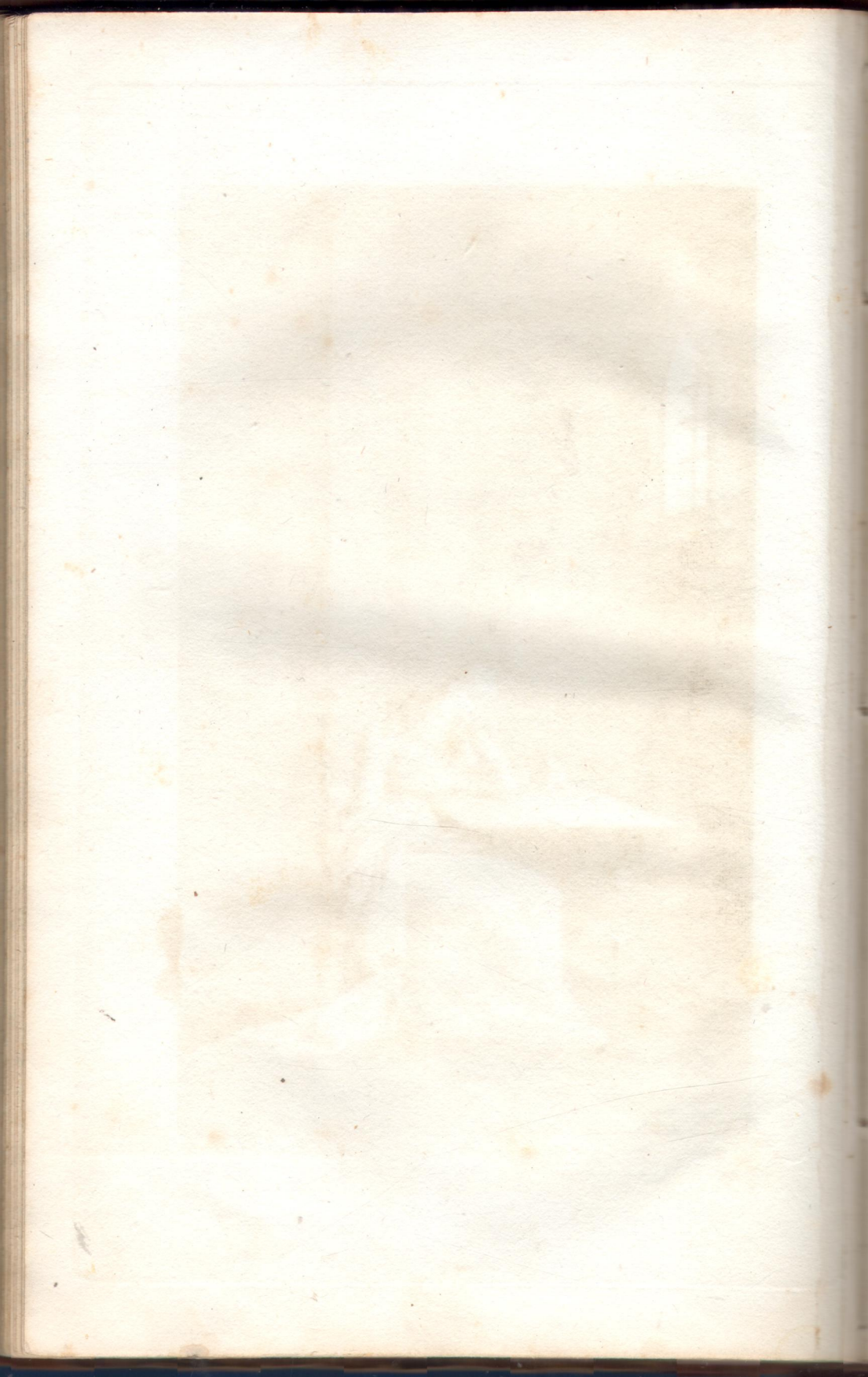
Альфъ ужъ далеку: безъ воли, мыслей, цѣли,

По дикомъ брель онъ брегъ. То глушь елей,

Какъ прежде мы были, и въ кругу нашихъ
мы встретились снова, — но въ мирѣ иномъ.

Милый другъ, какъ привезъ въ уютный уголокъ;
Миръ правится ильми приютъ мой пустынный.
Зовутъ меня счастья въ зрѣвшую тебѣ знать
и вечеромъ покою твой ильми свиданъ...
И въ этомъ приютѣ, о Кашперъ мой, любя,
Возможно въ страданіи все уладить;
Забудь про поздравъ, удѣства, извиненъ,
И чаще и чаще ко мнѣ приходи. —

.. Когда бы посидимъ — вокругъ мой равнина
Маяго же рожищу здѣсь ты развѣи,
и верба твою перевестъ бы велѣи,
Уютъ, самъ и нашенъ изъ нашей долины.
Пусть дѣти порой съ дѣвчонкой всеи придутъ
На играхъ, деревне въ отеческой въ стѣнѣ,
Роживъ и правы въ вѣнокъ рѣшительны,
и дружно мытъ будутъ Амурскія посылы.
Подъ имено родную мерзавъ всеи
О нашей Амурѣ, о Федѣ другъ мой ильми;
А посылъ... а посылъ, по смерти моей,
Мадъ Амуровъ пусть разговаривать сложной..."

Но Амуръ не свидѣи: онъ въ дѣлѣ дѣлѣ дѣлѣ
Безъ утѣхи, безъ ильми дѣлѣ дѣлѣ, безъ хотѣи.

а там горы ледовы;

Тянутся: там и туги, в упрямости движения,
В упрямых картинках, в упрямых движениях,
Отраду усталости от паводков.

Средь зимней вьюги его жарь не поминать;
Плавь сорвавшись, там и вон на земном утле,
Все соросит от груди, всё — кроме нехана.

Во зарей от похода на окна городской;
Вдруг, вглубь, накая — то твое замесина;
Стоит от: твое дамы, и твоей стонот
Но сноту шара, в окнах пропана;
Ах: горе! прикрате во сноту проврано...

столяр

Ах: вон вон от твоей ~~столяр~~ поросина,
Поминать от твоей — и всё поминать ясно.
Мерт вглубь, в различные стороны от,
Бросает, смотрит по вонду: напрасно!
Всё пусто вглубь твое, сноту твое, твое
Клубанье на земном, и вонду твое.
На берез от смотрит, от вонду твое, твоего,
И твоей по твоей и вонду твоего
Потом твоей Ах: от твоей снова по твоей.

Видимость она у окна еще стонот;
Дель добрый, вонду твое, так долго от твоей
ма твоей твоей вонду твоей по твоей;

То льдовъ гора, шо дебрь его манишь.
 Въ карпинахъ сихъ, въ насильсивенномъ спремленьи
 Какой - то пиль онъ опдыхъ... въ изнуреньи!
 Средь зимнихъ вьюгъ огнь жжешь его, шомишь;
 Онъ плащъ и броню — съ персей рвешь, бѣжишь...
 Но совѣсть люто перси жжешь и гложешь!

Къ зарѣ, набрелъ на валь онъ городской.
 Вдругъ шѣнь. Чья шѣнь шакъ взоръ его шревожешь!...
 Поверхъ снѣговъ шуманной полосой
 Несясь, пропала шѣнь на косогорѣ,
 И слышно только : горе ! горе ! горе !

Вспревоженный и гласомъ изумлень,
 Подумаль Альфъ — и все, все поняль онъ.
 Сверкаетъ мечъ и блещущъ очи грозно.
 Онъ мечется ; взоръ жадно все слѣдитъ.
 Но пусто вкругъ ; лишь бурный и морозной
 Бушуетъ вѣпръ и клубомъ снѣгъ валишь.
 Угрюмъ и дикъ , на берегъ Альфъ глядитъ.
 И шихо вновь , мятежной думы полной,
 Побрелъ уныло къ башнѣ наугольной.

Альдонѣ грустно шлеть привѣтъ :
 Счастливыи день !... мы рѣчи сполько лѣтъ
 Вели въ ночи... О ! милы предвѣщанья

Въ счастливомъ днѣ чрезъ сполько лѣтъ спраданья!
 Но, другъ!... здѣсь шайна... разгадай!...

А Л Ъ Д О Н А.

Нѣтъ, Альфъ! ужь день; проспи; къ чему гаданья?

О милый!... насъ увидяшь... до свиданья!

О! полно же; проспи! не убѣждай!

Я не могу и не хочу...

А Л Ъ Ф Ъ.

Ужь поздно!

Узнай, о чемъ молю: сбрось вѣшь въ... Какъ горе грозно:

Имъ омраченъ — въ гробу цвѣшовъ ищу!...

О! сбрось холь нипъ съ повязки, иль одежды,

Холь камышекъ изъ башни... Прочь, надежды!

Для Альфа не альфы молодой зари лучу! —

На память даръ я вымолишь хочу.

Гори онъ свѣжими очей швоихъ слезами,

Еще дыщи груди швоей въ немъ жаръ:

Я къ сердцу приложу въ часъ смерти милый даръ,

Прощусь съ нимъ — успѣхъ хладѣющихъ словами. —

Онъ вздрогнулъ; змѣй шоски, змѣй жадно грудь обвилъ.

Смерть! смерть! грозилъ намъ, возопилъ.

Умремъ же! — Другъ! въ бойницѣ шой нагорной

Я буду жить; и днемъ плашь чорной

На шомъ балконѣ возвѣвать,

А вечером лампу заду передъ ртисейкой.
Смотри: если сбросишь твоего изъ окошка,
Или лампа не вѣчасъ пересядетъ свѣтъ,
Запримь ты, окно: не вернись, морреть бытъ. —
Прости! — и сохрибься; сиди на сидѣннѣ
Во снѣгъ, на рѣшетку навѣсься вѣсѣ.
Вотъ утро шило, — уже вечеръ;
А все еще грѣло въ окошкѣ она,
И бѣлое, съ вѣтромъ играющее тѣло,
И моррѣе простерръ ^{бе} доу обаяла. —

*

„Ваше пароконь, — Австръ, Гамбалу скажи,
Но солнцу въ окошкѣ укажи ружо,
Или башни, въ которой весь день извивае,
А моррѣе окошкѣ надѣлодая съ тоскою. —

Дай тѣмъ твоимъ и садомъ, сиди въ рѣтѣи мой,
Види на ея башни, — проси же, на дого,
Види моррѣе на вѣтѣ, да, Гамбалу! — сиди только
На утро, какъ свѣтъ засидитъ дневной,
Моррѣе не вернись, — оставь это мѣсто.
Ночу я, моррѣе бы еще скажи на то....
Какъ я одинокъ!... Ни кого у меня,
Ночу не бою и въ снѣгъ, моррѣе мѣстѣ я одинокъ
Какъ какъ смерти, о крошкѣ тѣбѣ и ея. —

А въ ночь лампаду зажигаешь. —

Къ нимъ очи! къ нимъ! о нѣжная Альдона! —

Когда же сброшу плащь съ балкона,

Сорву лампаду прежде дня. —

Запри окно, не жди меня,

Проси! . . . Ушелъ, сокрылся. — И рыдая,

Она зовешь, зовешь въ окнѣ сшени —

Воище! . . . День шѣмился, въ заревѣ старая,

Одежды жь бѣлыя ея

Играють съ вѣтромъ: подъ унывыя звуки,

Альдона грустно проспираешь руки.

Весь день глядѣлъ, угрюмой думы полнѣ,

На башню Альфъ; вдругъ возсненалъ уныло:

Увы! зардѣлось пурпуромъ свѣшило!

О другъ Альбанъ! мой гибнешь чолнѣ.

Дай маншю, слуга мой вѣрный;

Дай мечъ; проси! — иду я къ ней. —

Надѣлго! шакъ; бышь можешь, другъ примѣрный!

Навѣкъ! проси! — Альбанъ! внимай же мнѣ:

Когда при заревѣ денницы

Я не приду, поди изъ сей бойницы. —

Еще хочу, хотѣлъ бы что-то . . . Ахъ!

Какъ бѣденъ я! . . . подъ небомъ въ небесахъ,

Мнѣ не кому повѣришь чувшивъ, другъ милый.

Лишь ты мнѣ съ ней былъ вѣренъ до могилы.

Проспи же! . . . Ей съ балкона чорный плащъ

Ты сбрось, лишь ушра рдяны крылы. . .

Но что? . . . Альбань! — чу! — въ вороша спучашъ.

Кшо - идешь? спражъ шрижды возглашаешъ.

О горе! вокругъ опгрянуль дикій крикъ.

Смершь наглая зовъ спража прерываешъ.

Запоры врашъ, гремя, слешъли вмигъ.

И сонмъ обспаль вокругъ нижнихъ переходовъ:

На лѣшницѣ чугунной и глухой,

Виншомъ въ покой ведущей Валленродовъ,

За гуломъ гуль. Гремяшъ, звучащъ броней. —

Дверь на запоръ — Альфъ мечъ вращая грозно,

Взяль кубокъ шяжкій, смершоносной;

Взглянуль въ окно. Свершилось! . . . возопиль —

Испиль — и къ шарцу приснуиль. —

Онъ поблѣдиль; и кубокъ опрокинушь

Хошѣль; но спаль и въ думу упонуль.

Чу! — къ двери все, все ближе грозный гуль.

Онъ омершвѣль. „Идушъ, идушъ! намъ стинушь!“

— „О старецъ! шумъ шебъ поняшенъ сей?

Чтожь думаешь? — Альбань! швой кубокъ полный,

Мой выпиль. — Другъ! швое здорovie! пей! . . .“

Альбанъ дрожишь опчаанный, безмолвный.

Прости, Салабана добрый! — ей всё обиделось,
так спросишь тятю, если завра, а друга...
Но что? слышишь ты? — на воротах шумит!

Ма-х-х-х: кто идет? — по Вороньему Гринкрату
придверничком, — горе! парадное противу
на отворить; видно, срадрю зацуга, а не шло,
и вонюх Вороньих предъ сего там! —
Идут... галереи Визу обогрели,
Орудья дружатся... море бушуеть ночь
Визу Визу на инсинух слышных змеиной,
Ведущей в Конраговъ покой отдаленной...
И слышь, оградивши гадюшного Визу,
Мертв в руку и пудов в другую сватается,
«Свернулось!» — «на охну подошью, восклицаеть —
Охъ мамки и вятки...» — «твой, старец, керёдр!»

Салабана подвинулся — и простеръ Визу руку,
Вонюх уронилъ; но, задумавшись, сталъ...
Все Визу за дверью посиделись звоню,
И дунав опустили, — прищип... какъ настраив...

«ты знаешь, — старец, что шумит сей Визу?»
Второй дунавъ такъ долго? Вонюхъ тебя зрётъ,
А мой удръ вятки; твой, старец, керёдр! —
Мечалью Салабана на Конрага свиряетъ.

„Нѣтъ! . . . и тебя переживу я, сынъ! —
 Остануся, закрою Альфу вѣки,
 И буду жить — и хилый и одинъ —
 Да славу Альфа приму въ лоно вѣки.
 Въ Липовѣ, средь горъ, пуспыней, дебрей мчась,
 Я обѣгу всѣ села, замки, грады;
 Не обѣгу-ль — крылашой пѣсни гласъ,
 Въ глуши опгрянешь на тревожный часъ. —
 И будешь пѣшь: въ бояхъ героямъ барды,
 А въ вѣси машь шу пѣсню для дѣшей.
 Такъ! будешь пѣшь; и мещинела косней
 Намъ воззовушь съ грядущими вѣками.“

Припавъ къ окну, Альфъ залился слезами —
 И жадный взоръ, лѣня къ башнѣ, столбенѣлъ,
 И милый видъ грозимый люшымъ рокомъ,
 Казалось въ душу впишъ хотѣлъ —

И палъ на спарца грудь въ шомленіи жестокомъ...
 Въ послѣднемъ, прелешномъ обьяніи нѣмомъ

Смились вздыханья . . . Грянулъ спали громъ,
 И съ воплемъ: варваръ Альфъ! дверь Рыцари пробили.

Смерть! смерть! тебѣ, измѣнникъ! возопили.

Злодѣй крамольный! кайся предъ концемъ.

Вопшь, духовникъ: ошкрой грѣхъ тяжкій, черной,

И въ прешетъ всѣмъ, стинь казню позорной!

Съ мечемъ блестящимъ, Альфъ ихъ гордо ждалъ.
 Но спалъ блѣднѣшь, слонялся, сомлѣвалъ.
 Павъ на окно, въ нихъ мещешь взоръ надмѣнно.
 Въ прахъ маншію — Магиспра знакъ — повергъ,
 Топча ее съ усмѣшкою презрѣнно.

„Вошь грѣхъ вамъ! вошь мой душный, смершный грѣхъ!

— Готовъ на смерть! — чего еще хопише?

Въ правленіи опчеша? . . . но взглянише

На пепель селъ, на гробы городовъ,

На тысячи погибшихъ вашихъ брацій,

На жалкіе оспашки раши,

Что мерзнушь шамъ средъ вьюгъ, снѣговъ,

И — чу! — на шрупахъ вашихъ воя,

Грызущся снаи шощихъ псовъ.

Вошь подвигъ мой!... О! какъ надмѣнь собой я!

Какъ славень! Вдругъ снялъ съ гидры сто головъ.

И какъ Самсонъ, колонны попрысенъемъ

Обрушилъ храмъ — и палъ подъ разрушенъемъ.“

Сказалъ, и шомный взоръ къ окну склоня,

Падешъ; въ паденьи — лампу рвешъ съ окна.

И вспыхнувши, кружась, падешъ лампада,

И разлилась передъ челою Конрада.

Въ елеѣ огонь кровавымъ сердцемъ шлѣлъ;

В мекенях передъ нами - Вилоръ гордо стояла,
Но вдругъ подымутся, осядутъ, каматая,
И дико въ одну прислонявъ огираются;
Плещи сорваны и тахи мнѣмъ пра тоура
Воланы въ прахъ, съ усмѣшкой презрѣныя!
Вотъ близки мои - возмись - свѣршися!

Это надобно вамъ, уиереть я готовъ!
Отаетъ въ утравѣмъ моихъ въ хотѣмъ,
Усминая? - на тѣмъ павишь Вилоръ,
На тѣмъ Вилоръ селъ, на погребъ горюго!
Но свѣмъ тѣмъ - сирамъ Вилоръ несутъ,
Мамъ либуитъ рудъ Вилоръ во въ Вилоръ,
Всѣ свѣмъ тѣмъ - тѣмъ завывають въ похвалъ;
Они на остатки мѣмъ пра гудъ тѣмъ...

"О, какъ я горюю: я все это свершилъ,
Единъ ударомъ плавъ только сразилъ
У мидръ! огниа, какъ Вилоръ, не медвѣмъ,
Всѣ рудъ рудъ мѣмъ - и самъ плавъ погудъ мѣмъ!"

Скажи, въ окно смотрю - и грядущая Вилоръ
Есть чувствъ; но прѣмъ оу сбрѣмъ кампудъ,
Итипрамъ свершивши Вилоръ мѣмъ,
Упамя она переу оу Вилоръ;
Во Вилоръ размѣмъ свѣмъ мѣмъ тускѣмъ

Торить, утопая, и свята едва точитъ,
И вдругъ оу, какъ въ вѣмляхъ кончили свои,
Последній кругъ света бросаетъ ясный —
И видна при блескѣ томъ свѣтлѣе оны;
Уже побѣдѣ... Свѣтлѣе бытъ погасъ.

А въ сей самый мигъ сѣнь бѣлая пѣрхаетъ
Потѣхъ сивыхъ, прохладѣхъ, мурдой, бѣлагоушной;
Ахъ кѣмъ же оу груди? Поймѣе лико;
А если бѣ кто сивыхъ, скажи бѣ коню,
Это груди, изъ которой стоить вѣнчикъ такой,
Уже ни когда не издѣетъ больше мѣся:
Въ томъ збунѣ единствѣ — въ збунѣ оузда.

Такъ сѣрѣе, подѣ збунѣ ударомъ, порой
Срежмѣетъ — и порѣе: въ мѣхъ рохотѣ, мѣхѣ,
Какъ будто бѣ пѣснь начала тѣмѣе,
Но уже напрасно конца ея збунѣ...

А, бѣнѣ моя пѣснь о свѣтѣ и мѣхѣ:
Мурѣ музыки Анны въ раю тѣмѣе мѣхѣ,
В мѣхѣ мѣхѣ въ сѣрѣе ея збунѣ...

~

Но все понуль въ немъ глубже и шемнѣль.
 Къ концу, глухой полуночи зарницей,
 Багрово вспыхнулъ, какъ бы смерти въ знакъ,
 И въ побѣлѣлой мершвеца зеницъ
 Блеснувъ, угаснулъ. — Все объемлеть мракъ ;

Вдругъ, въ шопъ же мигъ, пронзаешь снѣжны башни
 Вопль жалобный, прерывистый, просяжный...
 Чьихъ персей вопль — легко вамъ опгадашь. —
 А кто бы внималъ, шопъ грустнѣе не напрасно
 Сказалъ бы : вѣкъ не возсненашъ
 Грудь, спенящей споль ужасно ! —
 Топъ спонъ испортъ весь жизни духъ.

Такъ звонкой люши спруны вдругъ
 Въ шокъ рванешъ пѣвецъ : въ мелодіи мяшежной
 Ихъ звуки пѣсню будшобы маняшь —
 Но долго, долго эшой пѣсни ждашь.

Вотъ, грустная судьба Альдоны нѣжной.
 Допойте пѣснь о ней: духъ свѣшлый — въ небесахъ;
 А души нѣжныя — въ сердцахъ.

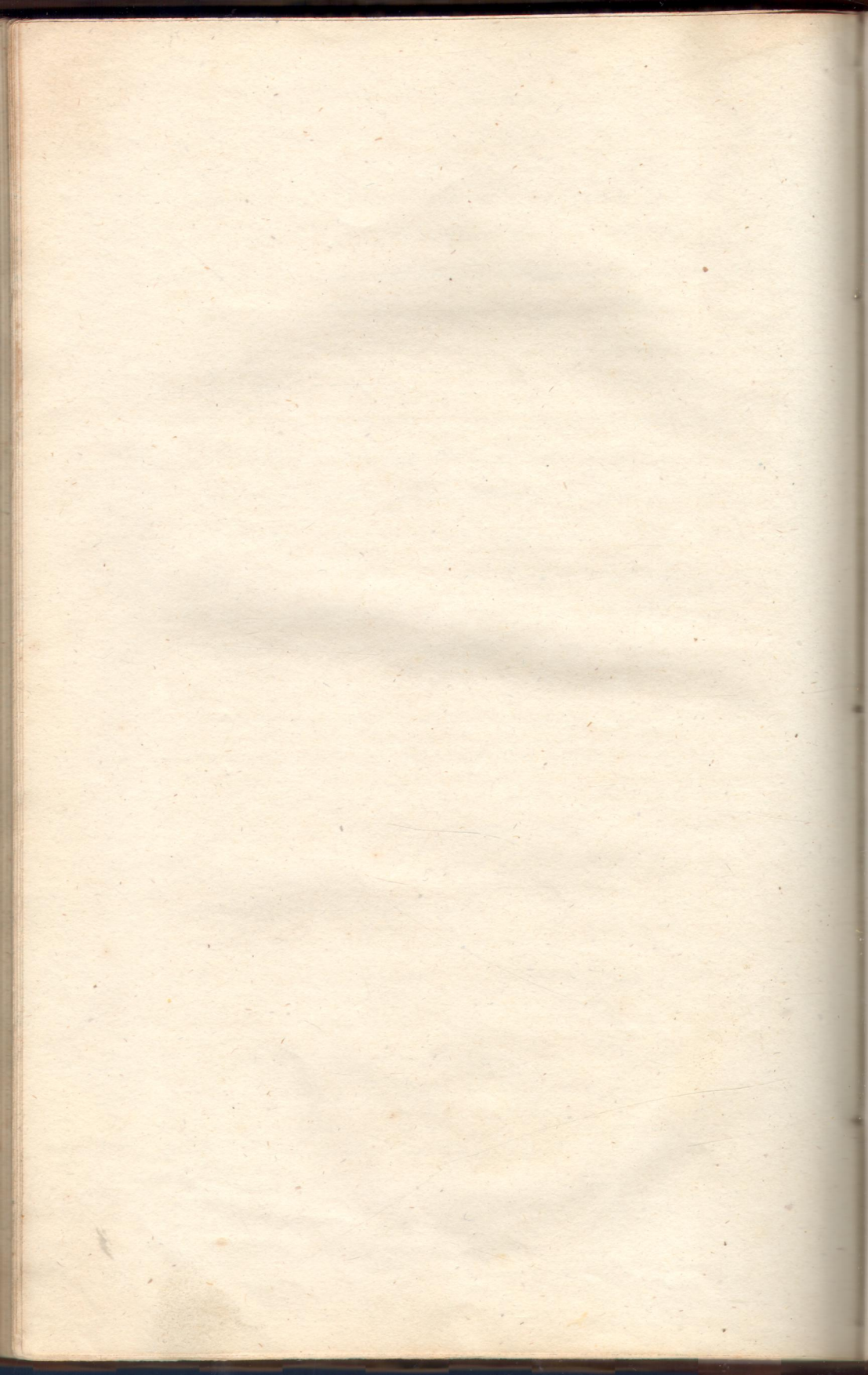

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

(1). *Маріенбургъ*, укрѣпленный городъ, нѣкогда бывшій столицей Крестоносцевъ, при Казимирѣ Ягеллонѣ присоединенъ къ Польской республикѣ; пошомъ былъ заложенъ Марграфамъ Брандебургскимъ; наконецъ перешелъ во владѣніе Королей Прусскихъ. Подъ сводами замка находились гробницы Великихъ Магистровъ; нѣкоторые изъѣхали до нашихъ временъ. Voigt, Профессоръ Королевскій, издавъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ: Исторію Маріенбурга, сочиненіе важное для Прусской и Липовской Исторіи.

(2). *Великій крестъ и мечъ Петра* — регалии Великихъ Магистровъ.

(3). Куперъ утверждаетъ, что взоръ человека, блистая огнемъ мужества и разума, производитъ сильное впечатлѣніе даже на дикихъ звѣрей. Помѣстимъ здѣсь, касательно сего, истинное происшествіе съ однимъ Американскимъ охотникомъ, который, подкрадываясь къ ушкамъ, услышалъ шумъ, поднялся, и съ ужасомъ, увидѣлъ большого шутъ же лежащаго льва. Звѣрь также, казалось, дивился, печально увидя человека, по сложенію общающаго необыкновенную силу. Охотникъ не смѣлъ высрѣлить изъ ружья, заряженнаго дробью, и стоялъ неподвижно, грозя только очами провиннику. Левъ, сидя спокойно, не сводилъ съ охотника глазъ; чрезъ нѣсколько минутъ, ошворотилъ голову и пошелъ медлительно; но едва отошелъ нѣсколько шаговъ, остановился и возвратился снова. Нашелъ на мѣстѣ неподвижнаго охотника, встрѣтился вновь съ нимъ взорами; и наконецъ, какъ бы познавая превосходство человека, опустилъ глаза и ушелъ. *Bibliothèque universelle. 1827. Février. Voyage du Capitaine Head.*

(4). *Архикомтуръ* (*Großkomtur*), или Великій Комшуръ, первый по Великому Магистрѣ сановникъ.

(5). Лѣтописи шѣхъ временъ упоминають о сельской дѣвицѣ, которая, прибывъ въ Маріенбургъ, желала быть заключенною въ особой келіи и шамъ окончила жизнь. Гробъ ея славился чудесами.

(6). Во время избранія, когда мѣнія были раздѣльны, или нерѣшишельцы, подобные случаи принимались за предвѣщанія и имѣли вліяніе на совѣщанія Капитула. Такъ на Вилриха Книпрода пали все голоса; поелику нѣсколько брашій слышали будшобы изъ гробовъ Магистровъ шрократное воззваніе: *Winrice! Ordo laborat!*

(7). *Жмудъ* (Самогичія), область Липовская, такъ страшная своимъ соседямъ при славномъ Князѣ своемъ Кейшумѣ.

(8). *Замокъ Святорога* (Славянскаго Свѣшовида), замокъ Виленскій, гдѣ нѣкогда хранили Зничъ (вѣчный огонь).

(9). *Возрадуйтесь о Господь!* Знакъ циршесствъ Ордена крестоносцевъ, въ шѣ вѣки.

(10). Въ Ливѣ, какъ и у всѣхъ почти полудикихъ народовъ, жрецы были также и поэтами ихъ, и назывались Вайделошами и вѣщниками (провидящими, Пророками) они были ихъ волфы, друиды, барды.

(11). *Пѣснь Вайделота*. См. Сшиховъ. Мицкевича Т. 2. стр. 81. гдѣ описанъ подобный случай при Магистрѣ Dusener von Alberg.

(12). Проспой народъ Липовскій представлялъ моровую язву въ образѣ дѣвы, которой появленіе, (описанное здѣсь по народной пѣснѣ) предшествоуетъ страшному недугу. Я помѣщу, хотя сокращенно, слышанную мною въ Ливѣ Балладу: „Въ селеніи появилась дѣва язва, и, по обыкновенію, всовывая въ окно или въ двери руку, и повѣвая краснымъ платкомъ, всюду разсѣвала смерть. Жители заперлись въ домахъ наглухо; но голодъ и другія нужды заставили ихъ бросить сіи средства осторожности: и такъ всѣ ожидали смерти. — Одинъ Дворянинъ, хотя досматривалъ запасы съѣстными припасами и могъ долѣе другихъ выдерживать эту чудную осаду, но рѣшился пожертвовать собою для блага ближнихъ: взявъ мечъ Сигизмундовскій, на коемъ были имена: *Иисусъ, Марія*, вооружился онымъ, открылъ окно, однимъ взмахомъ отсекъ руку спрашлица и добылъ платокъ. — Правда, онъ со всѣмъ родомъ своимъ вымеръ, но съ той поры никогда уже въ селеніи не являлась моровая язва.“ Платъ оный хранился въ церкви, не помню какого города. — На востокъ, предъ появленіемъ луны показывается видѣніе, съ крыльями немошья, и перстомъ указываетъ на обреченныхъ смерти. — Кажется, воображеніе народа въ подобныхъ образахъ хотѣло представить то тайное предчувствіе и то страшное смятеніе, кои обыкновенно предшествуютъ великимъ бѣдѣямъ, или пораженію, и которыя не только частныя лица, но часто цѣлыя народы ощущаютъ. Такъ въ Греціи предчувствовали продолжительную борьбу и страшныя слѣдствія войны Пелопонесской, въ Римской Имперіи упадокъ Монархіи, въ Америкѣ прибытіе Испанцевъ.

(13). *Вальтеромъ*. Walter von Stadion, Нѣмецкій Рыцарь, взятый въ плѣнъ Липовцами, женился на дочери Кейсмуша и тайно уѣхалъ съ нею изъ Ливы. Часто случалось, что Прусакъ и Липовцы, воспитанные Нѣмцами, возвращались въ общество и содѣлывались жесточайшими врагами Нѣмцевъ. Таковымъ былъ знаменитый въ Исторіи Ордена Прусакъ *Hercus Monte*.

(14). *Омела*, или амела (*viscum (vulgare)*) прекраснѣйшее изъ такъ называемыхъ тупеядныхъ растеній, всегда растетъ на деревьяхъ, и особенно красиво зимою, когда оно на вершинѣ величественнаго дуба, или клена, одно гордится пышною зеленью, полною жизни, тогда какъ все мертво и уныло въ дубровѣ.

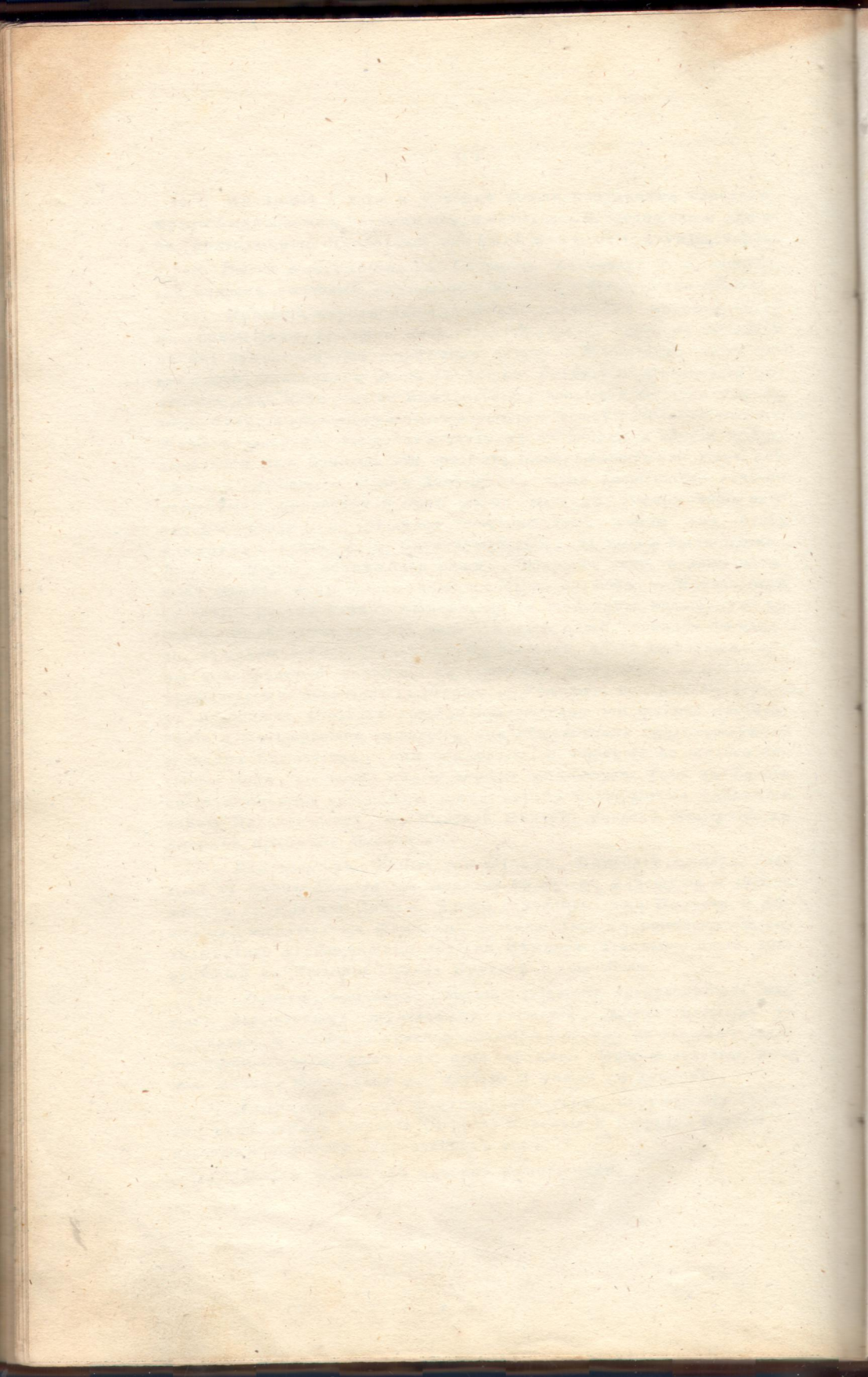
(15). *Алпхарры*, или Алпхарраскіе горы, окружающія Гренаду, суть южная отрасль Сьерры-Моренны и Сьерры-Невады — главныхъ отраслей Пиренейскихъ горъ.

(16). Образъ войны сей описанъ исторически.

(17). *Трибуналъ*. Въ средніе вѣки, когда сильные Герцоги и Бароны предавались всѣмъ злодѣйствамъ; когда власть обыкновенныхъ Судебныхъ Мѣстъ была слаба для обузданія ихъ: составилось тайное брательство, котораго члены, не зная другъ друга, кляшвенно обязывались карать виновныхъ, не щадя даже ни собственныхъ друзей, ни кровныхъ. Какъ скоро тайные судьи произносили смертный приговоръ, то извѣщали наказуемаго восклицаніемъ: *wesh!* (горе!). Сіе слово, трижды произнесенное, служило знакомъ: кто слышалъ его, шопъ гошовилъ къ смерти, которой онъ неизбежно и внезапно долженъ былъ подвергнуться ошъ неизвѣстной руки. Тайный судъ назывался еще Фемическимъ Трибуналомъ (*Bemgericht*), или *Вестфальскимъ*. Трудно опредѣлишь начало его; нѣкоторые установленіе оного приписываютъ Карлу Великому. Въ началѣ бывъ нужнымъ, въ послѣдствіи онъ сдѣлался поводомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, и Правительсва принуждены были упошрелять строгія мѣры противу самыхъ судей, пока общество сіе было наконецъ совершенно разрушено.

Я назвалъ — говоришь Мицкевичъ — Повѣсть Историческою; ибо характеры дѣйствующихъ лицъ и всѣ важнѣйшія, упоминаемыя въ ней, обстоятельство заимствованы изъ Исторіи. Лѣтописи тѣхъ временъ, разбросанныя по спискамъ ошрывками, часто должно разгадывать и дополнять вымыслами, чтобы составить изъ нихъ что-нибудь цѣлое историческое. Хотя въ жизни Валленрода я позволилъ себѣ вымыслы, но надѣюсь оправдать ихъ правдоподобіемъ. По лѣтописямъ, Конрадъ Валленродъ не происходилъ ошъ славнаго Германскаго дома Валленродовъ, хотя и выдавалъ себя за ошрасль оного. Онъ долженъ былъ чьимъ-либо побочнымъ сыномъ. Королевская лѣтопись библіотеки Валленрода говоришь: *Er war ein Pfaffenkind*. О характерѣ сего удивительнаго человека находимъ различныя и противурѣчащія другъ другу сказанія. Большая часть лѣтописцевъ упрекають его въ гордости, безчеловѣчій, пьянствѣ, въ суровости къ подданнымъ, въ холодности къ вѣрѣ и даже въ ненависти къ Духовенству. *Er war ein rechter Leiteschinder* (лѣтопись библіотеки Валленрода); *nach Krieg, Sang und Hader hat sein Herz immer gestanden, und ob er gleich ein Gott-ergebener Mensch von wegen seines Ordens seyn sollte, doch ist er allen frommen geistlichen Menschen Grauel gewesen.* (David Lucas) *Er regierte nicht lang, denn Gott plagte ihn inwendig mit dem laufenden Feuer.* Съ другой стороны современные писатели приписываютъ ему обширный умъ, мужество, благородство и швердый характеръ: и дѣйствительно, безъ рѣдкихъ дарованій, онъ не могъ бы удержать власти своей среди всеобщей ненависти, и бѣдствій которыми онъ подвергнулъ Орденъ. Припомнимъ теперь посшупки Валленрода. Когда онъ сдѣлался главою Ордена, шо встрѣшилось время благо-

пріятное для войны съ Литвою: ибо Вишольдъ самъ вызывался вестъ Нѣмцевъ на Вильну и общался щедро наградишь походъ ихъ; но Валленродъ медлялъ войною, и чѣмъ еще хуже, оскорблялъ Вишольда и между нѣмъ шакъ безразсудно довѣрять ему, чѣмъ сей Князь, помирившись тайно съ Ягеллономъ, не только ушелъ изъ Пруссіи; но сверхъ того, по дорогѣ входя въ Нѣмецкіе зѣмки, какъ непріятель, жегъ ихъ, и убивалъ стражей. При такой неожиданной перемѣнѣ, надлежало или совсѣмъ оставить войну, или принять большіе предосторожности. Великій Магистръ призываетъ Кресноосцевъ, расчюасяетъ на пригощовленія казну Ордена (5,000,000 марокъ около 458,452,000 рублей, сумма въ тѣ времена необычайная), и двинулся на Литву. Онъ могъ бы овладѣть Вильною, еслибы не убивалъ времени въ пиршествахъ и ожиданіи пословъ. Подошла осень. Валленродъ, оставя лагерь безъ продовольствія, въ страшномъ смѣшеніи бѣжидъ въ Пруссію. Нѣкоторые приписываютъ бѣгство Валленрода помѣшательству разума. Всѣ приведенныя здѣсь противорѣчія о характерѣ и поступкахъ нашего героя могутъ быть соглашены, когда допустимъ, что онъ былъ Литовецъ и вступилъ въ Орденъ для ошмщенія оному: и дѣйствительно, правленіе его нанесло гибельнѣйшій ударъ могуществу Кресноосцевъ. Я допускаю, что Валленродъ былъ онымъ Вальшеромъ Счадіономъ, сокращая только нѣсколькими годами время, прошедшее между отбѣздомъ Вальшера изъ Литвы и появленіемъ Конрада въ Мариенбургъ. Валленродъ умеръ 1394 года насильственною смертію. Страшные случаи сопровождали смерть его. Er starb, (повѣствуетъ лѣтописецъ) in Rasen, ohne letzte Selung, ohne Priestersegnen. Kurz vor seinem Tode wütheten Stürmen, Regengüsse, Wasserflüssen; die Weichsel und die Ragat durchbrachen ihre Dämme.... hingegen wühlten die Gewässer sich eine neue Tiefe da, wo jetzt Pilau steht. Альбанъ, или, какъ называютъ Лѣтописцы, Докторъ Leander von Albanus, монахъ, единственный и неразлучный другъ Валленрода, хотя показывалъ видъ набожности; но былъ, по сказанію Лѣтописцевъ, ерешникомъ, язычникомъ, а можешь быть, и чародѣемъ. О смерти Альбана нѣтъ вѣрныхъ сказаній. Нѣкоторые пишутъ, что онъ утонулъ, другіе — что ушелъ тайно, или взявъ Сашаню. Лѣтописи приводили мы болѣею частію изъ сочиненій Коцебу: Preußens Geschichte, Belegen und Erläuterungen. Гарпкнохъ, называя Валленрода unsinnig, очень мало подаетъ о немъ свѣденій.

Магазин №
Цена

Магазин №
Цена

2

2043

100-

3 IV 46

